

ПАТОЛОГИЧЕСКИМ, НО ОБРАТИМЫМ ПРОЦЕССАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Предупреждение!

Это не памфлет.

Это не пасквиль.

Не фельетон, не сатира, не прокламация.

Здесь нет жалоб, самолюбований и желания возвышаться.

Это — констатация фактов.

Голых, имевших место.

Так было.

Фактически — зеркало, чуть замутнённое спокойным презрением к мудакам.

Поэтому нефиг!

«Вы знали, куда вы шли!» и «Не нравится — увольняйтесь!» не катят.

Вняли?

Отлично!

Рассаживайтесь поудобней...

ЗАПИСКИ НА КАРДИОГРАММАХ

Часть первая ...В ЯСНОМ СОЗНАНИИ...

Эмоции, наблюдения, случайные мысли. Кардиограммы, в силу привычки, кладёшь в нагрудный карман и после вызова — не всегда, ясное дело, а так, время от времени, — царапнешь на обороте карандашом. Утром перепишешь, сотрёшь каракули с ЭКГ и сдашь, пришивив её к карте вызова.

Так год.

Два.

Десять.

Двенадцать.

А потом, оказывается, у тебя этого добра — завались!

*«Но ведь это правда, рейхсфюрер...»
Шелленберг — Гиммлеру. Первая серия*

Замглав по «Скорой».

Путает ИВЛ с ВВЛом¹.

Не видит разницы между клинической и биологической смертями.

Лезет в укладки, считает ампулы, сверяет со списком. Найдя заначки, рисует выговоры.

Заслуженный врач РФ.

На «Скорой» не работал ни дня.

Ей-богу, не вру!

Менты пьют. Зверски. А прокуроры — те ещё круче. Те, кто выживет, станут к старости каяться, раздирая перед людьми рубища... Впрочем, я, скорее всего, наивен.

---

¹ ИВЛ – искусственная, ВВЛ – вспомогательная вентиляция лёгких.

При просьбе лечь на спину, девять пациентов из десяти поворачиваются спиной вверх.

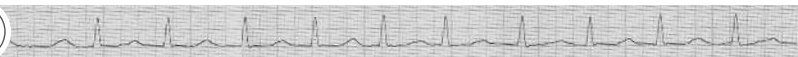
Вечерний звон.
 Прорвало.
 Весь стол в адресах.
 И всем — срочно. Немедленно. Иначе Матвиенко, райздрав и горячая линия.
 Час.
 Второй.
 Третий.
 Диспетчер вдруг стекленеет, блуждая зрочками с телефона на телефон. Те надрываются.
 Минуту.
 Полторы.
 Две.
 Диспетчер начинает смеяться.
 Ему откликаются.

Во время осмотра могут:
 – рыгать;
 – пердеть;
 – ковырять: а) в носу, б) в зубах, в) в гениталиях;
 – говорить по телефону;
 – смотреть телевизор;
 – курить.
 Они дома, хули.
 А когда в поликлинике — ну совершенно другие люди!

Отказ от госпитализации.
 «О возможных последствиях предупреждён». Подпись.
 Думаете, всё?
 Полагается ездить, проверять состояние.
 Себестоимость вызова — три косяря.
 Ну?
 Шесть кусков.
 Девять.
 Двенадцать.
 О-па! Созрел и хочет в больницу. Больницу при этом хочет получше.
 Рассказывал коллегам в Европе — о...ували.

Коммуникабельный журналист: В двух словах — как вам нацпроектковские «газели»?

Врач с большим стажем: У...бища.

Часто посреди ночи, прикоснувшись, участливо спросят: «Много вызовов сегодня?»

Хочется взять сочувствующего за лицо и отпихнуть, как Высоцкий Садальского.

Любимая фраза высшего руководства: на ваше место — в шляпах!

Одного как-то поправили: На *ваше!*

Что было...

Многие, в натуре, не знают:

- названий своих лекарств;
- собственного диагноза;
- профиля отделения, в котором лежали;
- номера больницы.

При этом говорят «не помню», «не разбираюсь» и «нам сказали».

Полковники невыносимы.

Снисходительное «ты» свысока.

Даже если одёргивать.

Даже когда чехлятся¹.

Холуи трёхзвёздочные.

Пришедший к доктору робок и подобострастен.

Вызвавший — развязен и хамоват.

Это в крови.

Поэтому лучше сразу, с порога, на них наорать.

Во избежание.

У *них* здесь корректировщик. С биноклем. На дереве. Настроился на частоты и слушает. Даёт отзвониться, даёт вернуться. Открыл дверь — даёт отмашку: звони!

¹ Чехлятся (жарг.) — умирают.

Вызов.
Туда же, в соседний дом.
И умело так, гад, маскируется.

Стало привычным: комната, пациент, юноша у компьютера.
Внимает рассеянно, просьбы выполняет, предварительно дочитав.
Увозим — спросит: «С тобой ехать?»
Понять можно: в блог же писать надо!
Про болезнь близких.

Сорок пять лет, юрист, два высших образования. В двадцатисекундной речи двенадцать раз использовала конструкцию «как бы».

Норма десятилетий — бригада на десять тысяч. Районы растут, вызова лежат на задержке.
Выход?
Изящный. Блистательный.
Одна на четырнадцать.

Четверо вместо восьми, и лавина звонков: утром сел — утром приехал.
А райздрав нынче праздновал что-то, так допоздна у кабака бригаду держали, на всякий случай.
А остальные три въ...ывали.

Не курить невозможно.
К нулю раскуриваются даже самые стойкие.
Потому как адреналин.
Нервы.
Оттого и язва у всех.
Голодные же всё время.

Коллега.
Спокоен и флегматичен — тридцать лет стажа, видел всё.
Непрошибаем.
Ан нет!
Оскорбили на вызове. Ничего особенного — пьяные люмпены, всё как обычно. Но молча вышел, надел перчатки, отыскал, благо недолго, кус мороженого говна и запустил в форточку.

Потом всю ночь пил коньяк.
Один.
Весь пузырь выдул.

Прислали кардиограф — российский.
Шедевр!
Перед тем как печатать, думает полминуты.
Вообразите:
Реанимация.
Цейтнот.
Ампулы россыпью.
Кардиограмма ежеминутно.
И всякий раз: «ПОДОЖДИТЕ 40 СЕКУНД».
О...уеть, б...дь!
Отослали обратно — ломается, сука, часто.

Во ВСЕХ больницах Санкт-Петербурга на входе в приёмный — порожек. Поднимаешь передние колёса — ы-ы-ых! — коллега приподнимает задние: ту-дух, ту-дух! — закатили. Порожка нет только в морге Судмедэкспертизы где, по большому счёту, глубоко пох...й.

Подъём ночью на «упал с кровати, приезжайте поднять» вызывает смутную симпатию к Менгеле.

Прервусь ненадолго, пока гневным пальцем в грудь не упёрлись.

Вот, удосужьтесь-ка:

«Скорая медицинская помощь — вид помощи, оказываемой гражданам при состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства (несчастные случаи, травмы, отравления и заболевания, приводящие к резкому ухудшению здоровья, угрожающие жизни и требующие проведения экстренных лечебных мероприятий)».

О как, оказывается, изначально-то!

А вы говорите...

Так о чём это я?

А-а!

— Я лекарства не признаю — вы только ЭКГ сделайте, а уж я дальше сам...

Или:

— Мне любимый человек изменил — дайте успокоительное, а то я в окно выброшусь!

«Глубокий обморок, нету пульса»... м-да!

— Это мне папа вызвал.

А вот и он:

— Алё! Вы уже там? Посидите с ней, пока не подъеду. Я? В Нарве, границу прохожу — часа через два буду...

И до кучи:

Ни «доброй ночи», ни «проходите», ни табуретки присесть.

Об кровать хлоп и жёлтой ногой в лицо:

— Вот. Ступать больно.

Мозоль. Ороговелая, давнишняя.

— Ну, и?

— Что «ну» — срежьте! Давайте-давайте, я ветеран...

Так, спокойно!

Не надо набирать воздух.

Ветераны от лиц приравненных — ох, отличаются!

Манерой общения.

Ночь.

Вызов.

Через минуту повтор: скорей!

Подрываешься и летишь.

Диспетчер по радиации: быстрее — скандалят!

Вываливаешься из кабины, дверь вбок, одной рукой чемодан, другой кислород, на плече кардиограф, дефибриллятор, на другом сумка с реанимацией, папка в зубах, домофон чуть ли не носом: пи-и-и...

— КТО ТАМ?

Всё. Можно отнести кислород, дефибриллятор, сумку с реанимацией. Расставить неторопливо, подключить шланги. Позвонить снова и зевая войти.

Ничего там нет.

Проверено.

Годами.

Нельзя брать деньги, если их дают с помпой. А настаивают — тем более!

Номера купюр переписаны.

Список, как правило, под телефоном.

Тоже проверено.

Не однажды.

По коридору надо идти тихо и на пороге чуть задержаться.

Так, чтоб не видели.

И не слышали.
Бесхитростное большинство начинает стенать только при твоём появлении.

И не вставать перед дверью.
Могут пинком открыть.

И уж, конечно, никаких «входите — открыто».
Войдёшь, а там волкодав.
— Ой, простите, я про него забыла...

Умное лицо, в глазах разум. Кардиограмма, терапия, слово за слово...
— А вы можете, как в фильме «Жмурки», пулю из живота вытащить?
Озадачил.
— Знаете, если б всё было так просто, как у режиссёра Балабанова, мы бы не потеряли двадцать миллионов в последней войне.
— Нет, ну а всё-таки?

Везли с пожара.
Ожоги.
Большой процент.
Юный возраст.
Тормознули на перекрёстке — проезд кортежа.
Снеслись с ответственным, тот подтвердил: стойте!
Семнадцать минут ждали.

— Это какой корпус?
— Не знаю.
— Но вы ж из него только что вышли!
Куда ни приедь.

Номеров нет. Ни на домах, ни на квартирах.
Не пишут.
Но полагают, что мы — назубок.
И разбухают во гневе.

Порвал с корешем.

Тяжёлые сутки, переработка часа на три, ехал домой — мужик в трамвае засудорожил, в лифте сосед к жене попросил. Стянул кроссовки, упал поперёк кровати — звонок:

— Слу-у-ушай, ты мне нужен как доктор...

— Пошёл на х...й!

Обиделся насмерть.

Поймёт едва ли.

«Левел ап» — когда начинаешь просыпаться за минуту до вызова.

Сам.

Ночью.

Мистика!

Очевидное-невероятное.

Диспетчерá опытные.

— Нет такого дома по этой улице.

Взрыв.

— Да вы... Да я...

— Паспорт откройте.

Пауза.

— Ой, да...

Не часто, честно скажу. Но извиниться — это ещё реже.

Начал обычно: чем болеете... последнее обострение... что принимали?

А в спину сказали:

— Чё х...ню спрашиваешь — лечи давай!

Когда изобретут таблетку от «плохо», во врачах нужда отпадёт.

Совсем плохо — переломил об колено.

Чуть-чуть — поскрёб ложечкой.

И в рот.

— Дорогая моя, вам шестьдесят лет! Вы прожили такую долгую жизнь — неужели не найти слов, чтоб описать собственное состояние?

Не найти.

— Тупой какой-то... Ну плохо — что непонятного?

Принадлежность к прокуратуре объявляют ещё в прихожей.
И недоумевают, не встретив подобострастия.

Что странно — многим сочувствуешь.
Против воли порой.

Большинство негодует — каллиграфий, похоже, ждали, на бумаге на ароматной. Иные пеняют на негатив: толкуют «жесть!» и жаждут приколлов — неустово, ненасытно. А по мне, так забавно: отрешился, бестрастный, и смотришь, как утверждаются — кто во что...

«Яд каплет сквозь его кору...»
Наше всё

В кафе — только ночью. Днём куражатся: жрёте, мол, а там люди мрут! Или, наоборот, уважухой задостают. Один вот недавно от полноты чувств предложил шаверму за ним доесть.

Исцелили, раскланялись, жена пошла провожать, а он вдруг из комнаты:
— НЕ ДАВАЙ ИМ НИЧЕГО!!!
Фельдшер — девочка из училища — аж расплакалась с непривычки.

Храм.
Пасха.
Эпилептик.
Судороги нон-стоп — глубокий статус.
Кончилась служба, пошёл народ. По нам, по больному, по бабушке... а тот, наивный, всё подождать их просил да помолиться во здравие.

Первая минута на «Скорой»: ржут над коллегой — капали ночью, приступ был. Тычут пальцами в ЭКГ, рыдая от хохота, мне же, обескураженному, говорят:
— И у тебя так будет. Лет через десять.
Хмыкнул гордо, а зря.
Как в воду глядели.

Градоначальник узнала об очередях в поликлиниках.
Грозил публичными казнями.
— Ух, ты! — сказали все. — Круто! Ну-ну.

